

Бронислав Геремек о процессе становления светской системы благотворительности в странах Западной Европы в XVI–XVII вв.

Вопросы, связанные с перераспределением ролей в социальном призрении и благотворительности, наблюдавшиеся в западноевропейских странах на протяжении XVI–XVII вв. и выразившиеся в постепенной передаче благотворительных функций от церковных к светским властям, остаются, на наш взгляд, вне поля зрения отечественных исследователей истории социальной помощи. В этой связи небезынтересной представляется работа известного польского историка и политического деятеля, одного из организаторов профсоюза «Солидарность» в Гданьске в начале 1980-х гг. Бронислава Геремека «История бедности» (Bronislaw Geremek "Poverty: A History"), увидевшая свет в английском переводе в 1994 г. и вновь переизданная в 1997 г.¹ К сожалению, в русском переводе названная работа пока не появилась.

Хотя Б.Геремек во многом следует той традиции в изучении проблем истории бедности, которая была заложена в работах Мишеля Фуко², тем не менее значительный интерес представляет анализ проблем реформы благотворительности и создания системы новой, светской социальной помощи в ведущих европейских странах XVI–XVII вв., проведенный Б.Геремекон на основании большого массива документов как центрального, так и местного, коммунального уровня. По мнению историка, началом новой социальной политики стали преобразования 1520–1530-х гг.: и в плане административных мер, и в плане практических шагов по централизации социальной помощи в городах.

Классическими примерами государственного вмешательства в основы социальной помощи Б.Геремек считает эдикты императора Карла V 1530 и 1531 гг. В них были четко определены основные принципы грядущей социальной реформы. Так, по эдикту 1530 г. местные муниципалитеты должны были ввести строжайший контроль за своими нищими и бродягами; некоторые послабления допускались лишь в отношении больных и немощных. Дети нищеты должны были привлекаться к работе в сфере торговли и местного производства.

В то же время, декларировалось, что все города должны снабжать продовольствием и предоставлять приют своим беднякам, нищенство же за пределами своего родного города запрещалось. В то

же время, если в городе оказывалось больше бродяг, чем он мог содержать, последние могли быть направлены в другую местность с рекомендательными письмами. Местные власти получали контроль над монастырскими госпиталями с тем, чтобы помощь в них распределялась между истинно нуждающимися. Таким образом, эдикт заложил основы новой социальной помощи и наделил местные власти широкими полномочиями в отношении бедняков. Контроль же над церковными госпиталями стал шагом к их постепенной и последовательной секуляризации. Важным элементом в обновлении социальной помощи стали также утверждения о том, что дети бедноты должны найти свое место в обществе.

Эдикт 6 октября 1531 г. пошел еще дальше: параграф 9 эдикта раскрывал причины появления нового законодательства, важнейшей из которых стало то, что, по мнению императора, число нищих превысило все мыслимые границы. Остальные причины были представлены в виде дискурса в социальную философию: «Опыт показывает, что если будет разрешено попрошайничать всем без разбору, то будет совершено множество ошибок и злоупотреблений; люди впадут в безделье и в этом — начало всех зол; они и их дети откажутся от своих занятий, от доходов которых могли бы жить, ради безнравственной и бесполезной жизни, и принудят своих дочерей к бедности и несчастью, ко всем проявлениям безнравственности и порока; а если они молоды и сильны, они предательски и лживо отбирают то, что должно быть распределено между стариками, больными, немощными и нуждающимися».

Параллельно в эдикте отмечалось, что те больные и немощные, которые не могут заработать себе пропитание, должны получать пищу и приют в монастырских госпиталях во славу Господа.

Императорский эдикт категорически запрещал прошение милостыни на улицах, в парках, на площадях, близ церквей. Нарушения запрета карались тюремным заключением. В то же время милостыня в пользу прокаженных и заключенных разрешалась. Пилигримам разрешалось останавливаться в городе лишь на одну ночь и то при условии наличия у них необходимых документов. Одновременно по эдикту отмечалась необходимость организации городских фондов для помощи убогим нищим. Фонды размещались в каждом церковном приходе для индивидуальной помощи беднякам, управляющие ими комитеты должны были включать в себя представителей как прихода, так и местных властей. Члены комитетов могли распределять помощь среди бедняков только с разрешения местных властей, комитеты должны были вести письменный учет своих бедняков с указанием их профессий, доходов, количества детей и объема оказанной им помощи. Все эти сведения фиксировались после

еженедельной раздачи милостыни с целью борьбы с бродягами, пьяницами и лентяями. Здоровые бедняки должны были направляться на работу, их дети направлялись в школы или для работы на местных производствах и в торговле.

Таким образом, эдикт соединил в себе два основных принципа: с одной стороны, четко выраженное желание регулировать и контролировать процесс оказания социальной помощи беднякам ради сохранения общественного порядка, с другой стороны, продолжение традиционной христианской благотворительности, центрами которой являлись монастырские госпитали. Текст эдикта входил в некоторые противоречия с христианским вероучением, предусматривая проведение репрессивных мер в отношении бродяг и введение светского контроля за распределением милостыни, спровоцировав известное напряжение между духовной и светской властью. Первоначально эдикт 1531 г. предназначался для Фландрии, затем был распространен на Ипр и Монс, а впоследствии и на германские города.

Более жесткими, по мнению Б.Геремека, оказывались законы, направленные против бродяжничества, принятые французским правительством. Здесь бродяжничество объявлялось преступлением, требующим применения репрессивных мер, бродяги ссылались на галеры или привлекались к городским общественным работам. В то же время, весьма неопределенно оговаривались условия оказания и распределения социальной помощи.

Их эффект стал очевиден на примере деятельности парижских госпиталей, которые перешли в светские руки, в ведение королевской Службы Подаяний (по эдикту 1519 г.). Эти реформы оказались слабо обеспечены с чисто финансовой стороны; бюджеты госпиталей находились в плачевном состоянии и большинство их представляли из себя дома из 1–2 комнат, в которых размещались пилигримы или бродяги. Кроме того, решения светских властей встретили оппозицию со стороны церкви и не возымели большого эффекта.

Французские законы против бродяг запретили публичное нищенство и обязали города помогать своим беднякам. Законы осуждали не только прошение милостыни в общественных местах, но также и тех, кто подавал милостыню бродягам. 5 февраля 1535 г. парижский парламент утвердил серию мер, касавшихся нищих в столице: соединенные воедино, эти меры представили из себя целую программу новой социальной политики:

1. Все здоровые нищие, рожденные в Париже или живущие здесь в течение последних двух лет, должны привлекаться к общественным работам, под угрозой смерти;

2. Те же, кому город не смог подыскать занятие на общественных работах, должны использоваться на работах в каменоломнях; зарплата в обоих случаях не должна превышать 20 денье в день (меньше, чем плата рабочему в городе);

3. Все здоровые нищие, не рожденные в Париже и живущие здесь менее 2 лет, под угрозой смерти, должны были покинуть город в течение трех дней;

4. Нищие, симулирующие болезнь или немощь, подвергались публичной порке и изгнанию из города; рецидивисты отдавались под суд и судьи могли поступать с ними, как сочтут нужным;

5. Горожане, дающие милостыню на улицах или близ церквей, подвергались штрафу.

Угроза смертной казни, как считает Б. Геремек, отражала настроения тех дней. Однако эта мера входила в противоречие с традиционными христианскими психологическими барьерами, указывая также и на определенную беспомощность светских властей в реальной организации социальной помощи. Целая серия подобных законов принималась в Париже на протяжении нескольких лет и с той же неэффективностью.

И все же центральную роль в проведении реформ стала играть в континентальной Европе не центральная государственная власть, а местные муниципалитеты. Организация помощи беднякам практически полностью перешла в руки местных властей. Принцип, что каждый город ответствен за своих бедняков, стал составной частью доктрины, государство же вовсе не обязывалось организовывать распределение социальной помощи. Так, в 1586 г. французский король писал, что не государство должно брать на себя заботу о фондах для бедняков, а это дело зависит от благотворительности «добрых горожан». Такой подход раскрыл еще один важный принцип в организации местной социальной помощи – местные власти стали вводить специальные налоги в пользу бедных.

В то же время, государство постоянно вмешивается в действия коммунальных властей и многие решения городов, ориентированные на реформы, опираются на центральные установления. Сочетание же социальной реформы с репрессивными мерами требовало вмешательства со стороны государства; то же самое заставляло государство наделять местные власти исключительными полномочиями, необходимыми для проведения программы реформ.

Б. Геремек отмечает, что первоначально отсутствуют попытки центральных властей к реформированию социальной помощи. Более того, практически всегда инициатива идет от местных властей, а реформы развиваются в локальном масштабе. Реорганизация госпиталей и институциализация помощи беднякам начинались тогда, когда

происходили плохие урожаи или наблюдались экономические потрясения. В этом случае всякие психологические барьеры отступали перед новыми реалиями. Общую картину процесса реформирования на местном уровне во Франции польский историк демонстрирует на примере Гренобля, Руана и Лиона – городов очень различных по своему статусу: если Гренобль в XVI в. был заштатным городком, то Руан и Лион к тому времени стали крупными торговыми и ремесленными центрами. Тем не менее направленность процессов реформирования социальной помощи оказывается во многом одинаковой.

Так, в Гренобле применялся целый ряд мер по борьбе с нищенством, куда относились: перепись всех нищих, изгнание здоровых «чужих» (иногородних) бедняков, раздача милостыни приходящим немощным беднякам, распоряжение местных властей преследовать и подвергать аресту бродяг, введение обязательного труда на общественных работах для местных здоровых бедняков, регистрация бродяг, обязанность для местных жителей поддерживать местных бродяг и т.п.

Власти Гренобля начали действовать с Акта 1513 г. о высылке «чужих» бродяг из города, эта же мера была повторена в 1515 г.; тогда же были организованы хлебные фонды – первый шаг к организованной общественной помощи беднякам. В 1520 г., перед лицом эпидемии, местный епископ распорядился раздавать милостыню за пределами городских стен, а в конце того же года было решено поместить всех больных нищих в госпитали, а здоровых направить на речные работы.

Но все это были временные меры, и дискуссии на уровне местного муниципалитета по проблеме нищенства возобновлялись в 1523 и 1526 гг., заканчиваясь решениями о высылке из города всех здоровых нищих, не желающих работать. В 1530–1533 гг. практика высылки бродяг была повторена, что доказывает ее низкую эффективность. Местные нищие постоянно возвращались обратно, а приток «чужаков», высланных из других городов, лишь увеличивал социальное напряжение.

В условиях эпидемии 1538 г. власти Гренобля перевели проблему нищенства в более организованные рамки, решив поместить всех городских нищих (около 300 чел.) в особую богадельню, где они обеспечивались пищей, собираемой среди жителей города. Кроме того, позднее, в 1544 г., был введен ежемесячный особый налог в пользу бедняков. В 1544–1545 гг. новые мероприятия пошли с ускоренной быстротой. Ситуация к тому времени стала критической: в местной богадельне насчитывалось до 900 нищих (и это при том, что «чужаки» высылались за пределы городских стен). В конце 1545 г. был окончательно реализован план слияния имуществ монастырских

госпиталей и местных церковных братств в единый фонд, контролируемый муниципалитетом, чем и был сделан первый практический шаг на пути к централизации социальной помощи.

После 1545 г. теория и практика новой социальной помощи обрела более определенные формы. Чиновники, назначенные муниципальными властями, инспектировали госпитали, регистрировали бедняков, не имевших права находиться в городе, а в мае 1548 г. составили список так называемых «стыдливых бедняков», «shamefaced poor» (то есть тех, кто жил в своих домах, не бродяжничал, не просил подавание, но не имел средств к существованию). В августе 1548 г. был составлен более обширный список, включивший и тех, кто просил подавание. Путем методичного обхода улиц были переписаны все нищие, а затем решалось, кто может рассчитывать на помощь, а кто должен быть изгнан из города. Здоровые нищие, которым разрешалось остаться в городе, были направлены на общественные работы.

Однако именно организация общественной работ стала той проблемой, которая решалась городскими властями с огромным трудом. Дорожные и речные работы, для которых должны были быть построены специальные мастерские, оказались слишком дорогими и всякий раз оканчивались неудачей. В 1560 г., на фоне беспрерывно растущего числа нищих, возник план устройства особого приюта для всех городских нищих с организацией при приюте мастерских, но этот план завершился ничем. В 1574 г. появился план задействовать здоровых нищих в текстильной индустрии, но также безрезультатно.

Основной причиной трудностей стала, по мнению Б. Геремека, зависимость от экономических процессов. Так, в экономически стабильные времена возникала возможность более эффективно решать проблему нищенства через проведение систематических переписей и регулярные раздачи милостыни. Пожертвования и сборы в целом покрывали растущие расходы, тем более, что иногда местные власти, борясь с не желающими платить налоги в пользу бедняков, направляли к их дверям нищих просить милостыню. Во времена же экономических кризисов (особенно в последней четверти XVI в.) эти меры становились безуспешными: толпы окрестных бродяг стекались в Гренобль, и местные власти оказывались бессильны. Городские ворота закрывались, чужаки и бродяги изгонялись и делались попытки изыскать дополнительные источники для благотворительности. В этих условиях практически единственным оказывались репрессивные меры.

Несколько иначе проблема организации социальной помощи в XVI в. решалась в Руане, который превратился к тому времени в

крупный торговый и текстильный центр. Так, весной 1525 г. до 500 нищих были направлены на сооружение городских укреплений, однако вскоре исчерпались средства для продолжения работ. В декабре 1534 г. мероприятия по реорганизации социальной помощи были продолжены, став предметом обсуждения местных светских и духовных властей. Президент руанского парламента Роберт Билли высказался в пользу активных действий против нищих, заметив, что среди бедняков растет число преступников и бродяг, которые в результате своего бродяжничества становятся грабителями и бандитами, предпочитая паразитическую жизнь. Одновременно предлагалось устроить мастерские для здоровых бедняков и специальные общественные фонды для убогих и немощных.

В результате обсуждения был принят муниципальный закон, основными пункты которого стали следующие:

1. Все те, кто не имеет источников к доходу и живет бродяжничеством, должны покинуть город в течение 8 дней или же найти работу;

2. В конце 8-дневного периода все бродяги подлежат аресту, будут закованы в цепи и переданы местным властям, которые определяют их на работу в местах в пределах города и обеспечат их пищей;

3. Бродяжничество безусловно запрещалось, под страхом порки, даже если этот бродяга болен или немощен (!);

4. В каждом приходе должен иметься список бедняков, нуждающихся в помощи, и казначей, назначенный местными властями, будет ответствен за управление фондами и раздачу милостыни.

Тем самым руанский закон больше был ориентирован на репрессивные меры, чем на реальную реорганизацию социальной помощи. В то же время, на практике эти меры оказались слишком дорогими, общественные фонды по оказанию помощи истинно нуждающимся оказались недостаточны, а вопрос о введении особого налога в пользу бедняков так и остался открытым.

В 1535 г. руанские власти подвели итоги своей деятельности. Выяснилось, что в городе проживает около 7 тыс. бедняков, нуждающихся в постоянной помощи, а также 5032 нищих и 2035 нищенских детей. Наиболее нуждающейся в общественной помощи была признана категория «стыдливых бедняков». Однако городские ресурсы были исчерпаны, в связи с чем все группы бедняков в конечном итоге были причислены к профессиональным нищим.

Тем временем обсуждение проблемы было продолжено и наиболее плодотворными оказались дебаты в руанском парламенте в январе 1542 г., оформившие новую программу мер по борьбе с нищенством:

1. Не желающие работать подлежат высылке из города; те же, кто не могут подыскать себе работы, будут устроены на общественные работы в обмен на пищу до той поры, пока они не найдут себе подходящей работы;

2. Бездельники наносят вред общественному здоровью и не могут быть причислены к беднякам;

3. Необходимо выслать из города всех не уроженцев Руана, в том числе больных и калек;

4. Город обязан заботиться о своих членах, но этот принцип распространяется только на его граждан;

Очевидно, что здесь проблема бедности и рынка труда уже тесно взаимосвязаны, а также и то, что зачастую в ранг «бездельников» и бродяг возводились попросту безработные.

Эффект от нововведений был двояким: с одной стороны, были составлены списки нуждающихся в каждом приходе, в 1551 г. сформирована муниципальная Служба Подаяний, в обязанности которой вошло приискание работы «здоровым» беднякам, выдача приданого дочерям бедняков и отправка детей бедняков в школы или на работы. Были закуплены лен, шерсть и конопля для работы мастерских, доходы от которых шли в пользу Службы. Периодически устраивались и общественные работы: так, в 1557 г. от 7 до 8 тыс. бедняков работали на сооружении городских укреплений в обмен на хлеб и небольшую сумму денег.

С другой стороны, продолжилась и политика репрессий. В 1566 г. были регламентированы наказания за прошение милостыни в публичных местах: для первого раза предусматривалось наказание в виде порки, а для второго – уже повешение. В довершение всего были сооружены 4 виселицы в местах постоянной раздачи милостыни и на общественных работах. Последние меры, по мнению Б. Геремек, не были ни исключительными, ни временными. Виселица стала неотъемлемым элементом функционирования социальной помощи в Руане. В июне 1586 г. на общественных работах виселицы заняли свое место во время раздач хлеба беднякам, когда шли битвы за кусок хлеба. Тем самым виселицы стали лучшим доказательством важности репрессий в организации новой системы социальной помощи, указывая также и на то, насколько быстро шел переход от моральных колебаний и сомнений к оправданию подобных действий по отношению к нищим, представлявшим собой угрозу общественному спокойствию.

Еще один пример, который приводит Б. Геремек в своем исследовании, это Лион. Именно здесь, вслед за Парижем, появляется и быстро набирает силу местная Служба Подаяний.

В первой четверти XVI в. Лион стал центром социального напряжения. В 1529 г. нищие брали штурмом улицы и даже дома зажиточных горожан, требуя денег и пищи. В 1530 г. волнения возобновились. Тогда же пришла эпидемия, а в 1531 г. из-за плохого урожая Лион наводнили толпы пауперов: крестьяне шли отовсюду – из Бургундии, Бужоле, Дофине. В этих условиях активизировала свою деятельность Служба подаяний, первоначально лишь как служба, ответственная за раздачу хлеба. Однако активисты Службы потребовали постоянной организации социальной помощи и радикальной перестройки госпитальной системы. Эта группа активистов включила в себя христианских гуманистов и городских сановников, как католиков, так и протестантов. Эти усилия принесли плоды: в январе 1534 г. была создана постоянно действующая Служба подаяний по примеру парижской. Базовыми принципами ее деятельности стали: запрет нищенства, гарантия институциональной поддержки бедняков, обязанность подыскивать работу для здоровых нищих, введение местного налога, взимаемого с духовенства, торговцев и ремесленников, в пользу бедняков.

Важнейшей задачей лионской Службы Подаяний стала организация хлебных раздач: тем старикам, кто не мог есть хлеб, взамен давали деньги, а «стыдливим беднякам» – хлеб и деньги, приносимые им на дом. Остальные бедняки иногда вместе с хлебом получали и небольшую сумму денег. Раздачи строго контролировались: ими обеспечивались лишь те, кто прожил в городе не менее 7 лет и полностью утратил трудоспособность. Общее число получавших помощь трудно учесть: в нормальные периоды их насчитывалось до 3 тыс. чел. (или 5% населения города), в кризисные годы (1596–1597 гг.) – до 10 тыс. чел. Многие из них были наемными рабочими, в основном занятыми в текстильной индустрии (в 1534–1539 гг. – до 41%). Для многих из них хлебные раздачи являлись временными формами помощи в ту пору, когда падал спрос на сезонную работу или на производимые товары. Раздачи регулировались и происходили раз в неделю в присутствии стражи и чиновников, которые наблюдали за порядком и следили за тем, чтобы помощь получали лишь те, кто занесен в списки.

Лионская Служба также пыталась найти эффективное решение проблемы сирот и подкидышей. В теории было решено, что лучше всего было направлять их в школы и обучать ремеслам. На практике, однако, лучшим вариантом стало направление таких детей непосредственно для работы на мануфактурах. Здесь принцип поддержки через предоставление работы лег в основу новой социальной политики. Дела пошли лучше после 1536 г., когда в Лионе были постро-

ны мануфактуры по производству шелка, куда направлялись в основном дети-сироты.

Служба также выступала и как репрессивный орган, усилия которого были направлены не только на борьбу с местными нищими, но и на попытки воспрепятствовать росту числа «чужих» нищих в городе. Для этой цели были организованы специальные отряды, в обязанности которых входил контроль за распределением милостыни и арест бродяг. Отряды размещались близ городских ворот с целью недопущения в город «чужаков». В дополнение, кораблям было запрещено транспортировать бродяг в город. Однако то, что высылки бродяг постоянно возобновлялись, доказывает очень малую эффективность этих мер.

Служба Подаяний приобрела и полицейские функции в борьбе с бродягами и «непокорными» нищими. Рабочим, направляемым на общественные работы, заработная плата не выплачивалась, выдавалась только пища, что стало общественной формой устрашения и перевоспитания бродяг, работавших в цепях. Городские власти поместили Службу в одной из башен городских стен, использовавшей-ся в качестве темницы: таким образом Служба имела собственную тюрьму для бродяг. Заключение в темницу стало практикой в наведении порядка, но также и символом необходимости террора и принуждения в проведении новой социальной политики.

Таким образом, Б. Геремек, анализируя те изменения, которые наблюдаются во Франции в реорганизации всей системы социальной помощи на протяжении XVI столетия, указывает на то, что общее направление реформы благотворительности было единым: а именно: сочетание попыток регламентации помощи с политикой репрессий и высылки. Основными же трудностями для французских городов стала именно организация общественных работ для «здоровых» нищих. Кроме того, Б. Геремек отмечает и то, что в целом социальная и интеллектуальная элита могла принять новую социальную политику и новую доктрину благотворительности, однако городские обыватели встретили ее с большой настороженностью.

Итак, эдикты Карла V 1530 и 1531 гг. заложили базовые принципы новой социальной реформы, а королевские ордонансы, касающиеся Франции, возложили осуществление практических мероприятий на муниципальные власти. В обоих случаях искоренение нищенства стало преобладающей задачей. Совершенно иным оказывался подход к этой проблеме в Англии, где законы, направленные против нищенства стали, как считает Б. Геремек, только прелюдией к кардинальной перестройке социальной помощи.

Вслед за английской исследовательницей Е.М.Леонард Бронислав Геремек выделил три основных этапа становления системы социальной помощи в Англии: 1) 1514–1568 гг., когда реформы

циальной помощи в Англии: 1) 1514–1568 гг., когда реформы были инициированы местными властями; 2) 1569–1597 гг., когда центральное законодательство стало играть более важную роль; 3) период после 1597 г., когда проблема стала решаться почти исключительно королевской властью. Лишь на последней стадии программа реструктурирования помощи беднякам стала реализовываться успешно и эффективно. Тем не менее, уже в XVI в. появляется множество законов, направленных на борьбу с бродягами, а меры наказания были куда более жестокими, чем на континенте. Параллельно ставились задачи создания общей системы контроля за бедняками и ограничения или запрещения нищенства.

Так, эдикт Генриха VIII 1531 г. обязал охранителей мира в графствах, бейлифов и майоров в городах провести перепись всех бедняков и составить список тех из них, кто не способен работать по старости, болезни или немощи; последним разрешалось просить милостыню лишь в районе их проживания. Просившие же милостыню без разрешения или не в своем районе подлежали аресту. Основная часть заботы о бедняках возлагалась на местные приходы.

С другой стороны, «здоровые» нищие подлежали порке, как, впрочем, и те, кто подавал им милостыню. В 1535 г. появился следующий эдикт Генриха VIII, обязавший местные и графские власти поддерживать бедных и немощных и предоставлять работу здоровым беднякам. Дети бедняков в возрасте от 5 до 14 лет должны направляться на обучение ремеслам. В каждом городе должны были быть созданы фонды для помощи нуждающимся. Милостыня не должна была подаваться нищим индивидуально, она распределялась централизованно специально назначенными чиновниками и выдавалась из названных фондов. Исключения были сделаны лишь для слепых и моряков, потерпевших кораблекрушение.

В эдикте 1535 г. важными представляются два момента: во-первых, он еще не запрещал нищенство, а лишь ставил его под строгий контроль, а во-вторых, отмечалось, что финансирование системы социальной помощи должно основываться на свободных жертвованиях, апеллируя к желанию светским, так и к духовным властям. Позднее королевские эдикты начинают делать акцент на создании центральных городских фондов помощи беднякам, обязывая местные власти убеждать население в важности благотворительных вкладов, во времена же Елизаветы I такие вклады стали обязательными. Параллельно уменьшается благотворительная роль церкви, параллельно с процессом секуляризации церковной собственности, подчиненной только королю и придворной элите.

В Англии, в отличие от континентальной Европы, заметна более четкая связь между бедностью и рынком рабочей силы. Приме-

чательным здесь стал «Статут ремесленников» 1563 г., оговаривавший условия найма рабочих и устанавливавший обязательность работы для всех бедняков в возрасте от 20 до 60 лет. Те же, кто не мог подыскать себе работу, направлялись местными охранителями мира в услужение.

Однако решающие изменения в оформлении нового законодательства отразились в Законах о бедняках Елизаветы I 1597–1598 гг., по которым предполагалось создание в ряду мер, направленных на искоренение бедности, реформаториев («reformatories») и исправительных домов («houses of correction»), а также организация госпиталей, приходской помощи для стариков и немощных, запрещение нищенства и т.п.

Для реализации новых законов были учреждены посты специальных надзирателей, ежегодно назначавшиеся мировыми судами. Они были ответственны, совместно с представителями прихода, за отправку детей бедноты для обучения ремеслам и торговому мастерству, за приискание работы безработным, за наблюдение за немощными и убогими, находящимися в госпиталях и приютах. Фонды помощи бедняками формировались за счет специального налога. Нищие получали помощь только в своем родном приходе и только пищей. Милостыню разрешалось подавать солдатам и морякам, вернувшимся домой, а мировые суды должны были обеспечивать их работой.

Хотя, как замечает Б. Геремек, все названные меры фактически не внесли ничего нового в законодательство предыдущих лет, тем не менее, они кодифицировали предшествующие эксперименты и представили их как официальную правительственную политику. В 1601 г. новая социальная политика получила окончательное оформление. Закон 1601 г. детально определил принципы помощи беднякам и методы финансирования системы социальной помощи посредством сбора специальных налогов.

В итоге английская система помощи заложила в свою основу сочетание трех базовых принципов: организованную помощь беднякам, меры по созданию рабочих мест и репрессии против бродяг.

Б. Геремек отмечает, что успех внедрения новых социальных практик в Англии стал возможен благодаря не только административным реформам и активному вмешательству в проблему борьбы с бедностью центральных властей, но и, что немаловажно, ускоренной трансформации аграрной сферы и городской экономики.

Тем не менее, как и на континенте, реформа социальной помощи в Англии первоначально шла на местном уровне. Так, в 1522 г. в Бристоле, в 1552 г. в Кентербери были созданы запасы зерна для раздачи беднякам на случай неурожая с целью предотвращения

спекуляций и роста цен. В Линкольне в 1543 г. местные власти обязали всех бедняков засвидетельствовать о себе в суде, где их потребность в помощи будет юридически подтверждена. Те, кто был квалифицирован нуждающимся в помощи, получали специальные марки, дающие им право на прошение милостыни. В 1547 власти Линкольна провели дополнительные меры по привлечению нищих на работы, направляя последних в основном в услужение. В Ипсвиче в 1551 г. были назначены специальные чиновники для проведения переписи нищих в каждом приходе. Был введен налог в пользу бедняков, нищие были зарегистрированы по приходам, а муниципальные госпитали предназначались только для стариков и детей.

Однако, несмотря на предпринимаемые меры, в 1570-е гг. наблюдался рост числа нищих, и потому возникают планы организации постоянно действующей системы поддержки для «истинных» бедняков, через распространение налогов в пользу бедняков на всех прихожан. В Лондоне в 1579 г. были назначены приходские «контролеры», ответственные за распределение помощи среди больных и немощных и за приискание работы для бродяг. Приходские власти должны были регистрировать всех бедняков и установить строгий контроль на улицах, посещать время от времени дома бедняков и удостоверяться, что способные к работе не бездельничают. В 1547 г. в Лондоне создается фонд для помощи беднякам, а в 1572 г. «Статут о бедняках» распространил обязательный налог на все города страны. Однако как в Лондоне, так и в провинциальных городах отмечались случаи плохого управления и растраты средств.

В противовес этому интересный пример явил Норвич на востоке Англии. В 1565 г. местные власти преобразовали богадельню Св. Павла, с целью ограничения числа «чужих» нищих, в исправительный дом для бродяг и в центр распределения милостыни, а в 1570 г. последовало распоряжение выслать из города всех бродяг.

Проведенная вскоре перепись выявила, что в городе 13 тыс. жителей, в т.ч. 2342 паупера (из которых 1335 – взрослые). Лишь 272 чел. (18% взрослых) получали какую-то форму постоянной помощи. Многие из пауперов при переписи указывали какой-либо род занятий, но фактически побирались на улицах или от дома к дому. Городские власти нашли типичное объяснение этому факту, заявив, что граждане Норвича привыкли подавать, а потому бедняки не хотят искать работу. Муниципальный декрет даже изобразил нищих как хитроумных мошенников, которые якобы умирают от голода, а на самом деле съедают то, что предназначено другим. Потому они никогда не меняют своей одежды, грязны, иногда притворяются слепыми.

По переписи местные бедняки были распределены по трем категориям: «здоровые», «немошные» и «маловажные» («indifferent»). Основная трудность состояла в том, что четкой границы между категориями не было проведено. В результате признанными годными к работе оказались: 14 из 84 мужчин, 13 из 134 женщин, 69 из 179 детей. Более того, годными к работе признавались дети старше 7 лет. Лица, неспособные к труду, могли получать регулярную помощь, размер которой строго регламентировался. «Бездельники» были помещены в исправительный дом на 3 недели, где должны были работать с утра до ночи. Для женщин и детей были назначены специальные надзирательницы, которые должны были не только следить за их работой, но и также обучать детей читать и писать. Город брал на себя обязательство обеспечивать их работой, а для ухода за больными были учреждены 2 госпиталя.

Введение этой системы сопровождалось тотальным запрещением нищенства, под угрозой порки. Угроза репрессий постоянно присутствовала, а практика демонстрировала крайнюю жестокость наказаний. Центральным элементом в системе репрессивных мер стал и работный дом. Система создавалась за счет налогов; местные приходы уже не были ответственны за своих нищих, так как более богатые приходы могли помогать более бедным – тем самым создавалась унифицированная система помощи в городе.

Пример Норвича содержал в себе элементы рационализма, что с экономической точки зрения на оценку благотворительности в денежном эквиваленте сыграло позитивную роль в успешном развитии новой социальной политики.

Другой пример новых экспериментов, правда, уже более поздних, – Солсбери. В конце 16 в. Солсбери испытывал времена кризиса. Плохие урожаи вели к росту цен, к угрозе эпидемий. Толпы бродяг шли в город: только в 1598 г. до сотни были пойманы и высланы, в основном крестьяне из округи. С мая 1604 по май 1605 гг. до пятой части населения города нуждались в помощи. В дальнейшем проблемы сохранились: в 1620-е гг. городские власти сделали вывод, что до половины населения города пауперизированы и число бедняков в городе составило 3 тыс. чел. В 1625 г. была проведена очередная перепись бедняков, число которых составило 2,5 тыс. чел., в том числе 1041 были безработными, 41 – дети, 81 – неспособными к работе и нуждающимися в постоянной помощи. Эта перепись была примечательна тем, что нуждающимися в общественной поддержке были признаны только три категории: вдовы, дети и немошные.

Растущие проблемы толкнули местные власти на более активные действия: были созданы специальные комиссии, отвечавшие за

организацию помощи беднякам и составленные из священников и светских наблюдателей; устроены исправительные и работные дома.

Такая ситуация стала возможной под давлением группы пуританской элиты в Солсбери. В соответствии с их воззрениями город привлек женщин к работе в торговле, предоставил кредит на два года нескольким дюжинам молодых бедняков при условии предоставления ими работы другим беднякам в качестве ремесленников, установил, что работный дом должен стать не только исправительным заведением, но и местом обучения торговле детей бедноты.

Солсбери также стал одним из центров пивоварения, прибыль от которого должна была идти на помощь беднякам, что вместе с налогом в пользу бедняков, покрывали затраты на новую программу. Здесь наблюдался известный парадокс: всегда пуритане боролись против алкоголизма, особенно среди бедноты. Пивные размножились по городу: одна пивная приходилась на 65 жителей. Власти также решили поместить кошельки для сбора пожертвований близ каждой пивной, около каждого постоянно стояли по два нищих, как бы напоминая жителям об их благотворительных обязанностях.

Наконец, еще один шаг был сделан по запасам провизии: склад хлеба, масла, сыра, пива и топлива предназначался для продажи беднякам по твердым ценам во времена кризисов; для бедняков, у которых ощущался недостаток пищи, это стало спасением от спекуляции и роста цен. Тем, кто зависели от постоянной помощи, выдавались специальные купоны, предъявлявшиеся на складе, которые могли быть обменены на пищу и топливо. Такой метод давал властям возможность несколько контролировать путь, по которому беднота получала милостыню.

В то же время новая программа реформ вскоре стала объектом конфликта и на местном и на государственном уровне. Началась постоянная борьба против нее со стороны пивоваров, могущественной и влиятельной группы в городе, которые увидели в новой политике угрозу своим интересам. Новую политику также критиковало духовенство, выступавшее против увеличивавшегося налога в пользу бедняков.

Однако главное противоречие новой системы помощи, как утверждает Б. Геремек, заключался в самой системе: фонды, созданные в городе для помощи беднякам, реально поддерживали лишь очень ограниченное их число, каждый склад провизии обеспечивал не более 60–70 чел. Если же число нуждающихся бедняков становилось больше, то город был бессилем им помочь.

Каждые несколько лет повторялись кризисы, и всякий раз местные власти предлагали все те же методы для решения проблем бедности. Этот цикл кризисов вел к ограничению реформы, которая

была нацелена на ликвидацию симптомов без поиска корней этого зла. С этой точки зрения реформа социальной политики в Солсбери не стала лекарством против бедности, а больше его подменой.

В то же время, по мнению польского историка, влияние пуританской элиты на создание новой системы социальной помощи трудно переоценить: именно здесь ярко отразились попытки ввести рациональный порядок в распределение помощи и управление благотворительными фондами, утверждая приоритет трудовой этики и противопоставляя ее частной благотворительности.

Английский вариант реформирования системы социальной помощи, как утверждает Бронислав Геремек, ярко продемонстрировал то, какую роль в буржуазном обществе стали играть деньги. Целью помощи стало помогать настолько, насколько это было возможным. Иными словами, в эволюции концепции благотворительности отражался новый тип социальных, политических и психологических отношений, диктовавшийся развитием товарного хозяйства и товарно-денежных отношений. Эти реформы стали проявлением неудовлетворенности традиционной доктриной благотворительности, явившись неотъемлемой частью перемен.

В большинстве европейских стран, по мнению историка, реформирование системы социальной помощи пошло по тому же пути, что и во Франции и Англии. Только Шотландия избрала несколько иной путь: Закон о бедняках 1535 г. ограничился лишь рекомендациями общего плана, призвав здоровых бедняков искать работу и запретив им просить милостыню. В то же время, он разрешал престарелым и немощным просить милостыню в своих приходах, то есть в местах своего рождения.

Однако ценность исследования Б. Геремека состоит в том, что он не останавливается на изучении процессов создания новой системы помощи в ведущих европейских странах (как чаще всего и случается в современных исследованиях), но и останавливается на тех странах, которые, в силу ряда обстоятельств, оказались к XVII в. на периферии европейской цивилизации.

Ярким примером влияния экономической и политической ситуации на социальную жизнь явила Испания, где проблема нищенства и бродяжничества всецело оказалась в компетенции местных властей. Более того, центральное правительство даже не пыталось инициировать реформу системы социальной помощи, не предпринималось никаких мер по ограничению нищенства и бродяжничества. Именно Испания стала страной, где бедность выросла в катастрофическом масштабе, а общественный порядок подвергся серьезной угрозе со стороны бродяжничества, как в никакой другой европейской стране.

Б. Геремек более подробно анализирует ситуацию, сложившуюся в Вальядолиде, который в XVI в. был процветающим городом, из-за чего и размеры милостыни были куда большими, чем в любом другом городе старой Кастилии. В годы неурожая в город стекалась беднота из Галисии, Астурии и с гор в надежде, что им будет оказана помощь и не вышлют из города в течение 2-3 дней, как случалось в других городах. В городе имелась и собственная беднота, которая получала постоянную и регулярную помощь, регистрационные списки фиксируют 6033 беднейших семей, что составляло 9,5% населения города. Нужно иметь в виду, что списки не включали в себя обитателей многочисленных городских госпиталей и приютов, а также детей, находившихся в благотворительных заведениях. Та же ситуация наблюдалась и в других городах Испании: в Сеговии, центре текстильной индустрии, процент бедноты составлял 15,7% населения (хотя многие из них якобы работали); еще хуже была ситуация в городах Эстремадуры: в Трухильо в 1597 г. беднота составила половину населения (9560 чел.).

Испанские города во многом стали жертвами сельской бедноты, хотя и в Испании предпринимались меры против «чужих» нищих, но они оказывались неэффективными. Так, в 1579 г. в Вальядолиде только 31 из 57 детей в местном приюте были уроженцами города; в 1589 г. – лишь 30 из 74-х. Тем не менее, некоторые попытки по ограничению бродяжничества предпринимались, по примеру деятельности других городов. В 1597 г. была проведена перепись бедняков, по которой лишь 310 нищих были признаны нуждающимися в постоянной поддержке.

Подобная перепись была проведена в том же году в Севилье, по которой все местные бедняки получили свидетельства о своей нищете. Тогдашний хронист изобразил толпу в 2 тыс. чел., мужчин и женщин, процветающих и больных, молодых и старых, здоровых и немощных, собранных вместе. Больные были помещены в госпитали, немощным были выданы свидетельства, а здоровым было отдано распоряжение найти работу в течение трех дней, под угрозой порки и высылки из города.

В 1540 г. кастильские города Вальядолид, Замора и Саламанка вновь пытались поставить нищих под административный контроль. В том же году Карл V издал свой эдикт о социальной помощи, по которому в каждом городе должно иметься не более одного госпиталя (явный шаг к централизации), и потребовал, чтобы администрация госпиталей была сокращена и выполняла эдикт так, чтобы бедняки могли рассчитывать на постоянную помощь и не нищенствовали на улицах. Однако, этот эдикт, по духу сходный с императорским эдиктом 1531 г., встретил оппозицию со стороны теологов и

не был реализован. С восшествием на престол Филиппа II о новой системе социальной помощи и вовсе позабыли.

Однако проблема бродяжничества сохранялась, и Кортесы вновь и вновь возвращались в своих дебатах к проблеме определения бездельников на работы. Среди тех мер, которые предлагались, было и указание каждому приходу найти работу для здоровых бедняков. Однако искоренение бродяжничества не было обосновано юридически, а королевские ордонансы, время от времени посвященные проблеме нищенства, ограничивались лишь общими рекомендациями. Так, в 1565 г. королевский ордонанс рекомендовал всем приходам заботиться о своих бедняках, особенно о «стыдливых».

В конце XVI в. ситуация стала стремительно меняться. Кристобаль Перес де Геррера отмечал в своих мемуарах, что в то время в Испании имелось 150 тыс. нищих, в 1608 г. он насчитывал уже около полумиллиона, в 1617 г. – уже 1 млн. Эти цифры уже ярко обозначили проблему. Нарастание социальных и экономических проблем в 1590-е гг. совпало с проблемами идеологического плана, с ортодоксальной точкой зрения на благотворительность. Приоритетное положение католической церкви в Испании и всемогущество духовенства вошли в противоречие с насущными потребностями страны и затормозили процесс реформ.

И все же, в целом, по мнению Б. Геремека, XVI век стал временем глобальных изменений в сфере социальной политики, явившую новую концепцию и новую организацию социальной помощи. Направление реформирования в большинстве европейских стран было общим, хотя и отмечались некоторые вариации, связанные с проблемами соотношения и влияния светских и духовных властей, центральной и местной администрации.

Тем не менее, в XVI в. частная благотворительность еще не утратила своей силы и среди католиков и среди протестантов под влиянием общей христианской традиции. Публичные акты благотворительности оставались составным элементом похорон, они имели место на кладбищах и при празднествах. Таким образом, они имели место в социальной жизни, хотя уже утратили доминирующую роль в социальной помощи.

Вопреки новой социальной политике, отраженной в категориях нуждающихся в помощи, существовала и традиционная концепция бедности. Лишь критические годы первой четверти XVII в., когда отмечались особенно плохие урожаи, экономическая депрессия и массовая пауперизация, привели к тому, что такой взгляд ушел в прошлое.

Именно тогда, по мнению Б. Геремека, происходит кардинальная смена во взглядах общества на бедность и критерии бедно-

сти. Новое определение бедности обозначало тех, кто работал нерегулярно. Старое разграничение между бродягами и «законными» пауперами, которые имели право на поддержку из-за условий бедности, болезни или немощи, становилось расплывчатым. «Бродяги» более не различались как особая категория бедняков; они становились опасными преступниками, принадлежавшими к низам общества и подлежащими преследованию. Трудящиеся семьи, пауперизированные из-за низкой зарплаты или безработицы, теперь выходили на первый план. Они были городскими жителями, интегрированным в сообщество и вовлеченными в трудовую деятельность; они становились безработными из-за нехватки работы, и сообщество, к которому они принадлежали, видело необходимость оказывать им поддержку.

Таким образом, новая социальная политика по отношению к нуждающимся слоям включала в себя два составляющих ее элемента: с одной стороны, политику репрессий и трудоустройства «здоровых» бедняков и бродяг; с другой стороны, организацию централизованной системы помощи. По мнению Бронислава Геремека такое сочетание благотворительности и политики репрессий оформило систему трудовой этики, сыграв огромную роль для судеб европейской цивилизации. Труд, как в протестантских, так и в католических странах, как в аграрных, так и в экономически развитых, толкнул эти страны на путь индустриальной революции, стал формой социального обучения, путем адаптации людей к структурам экономической жизни.

¹ Geremek B. Poverty: A History. Blackwell Publishers Ltd., Oxford, 1997.

² Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997; *Его же* Рождение клиники. М., 1998; *Его же* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.

© Кузьмин К.В., 2001

Н.Ф.Уфимцева

Социальная помощь в пенитенциарных учреждениях: история и современность

В настоящее время среди множества направлений реформирования уголовно-исправительной системы на первый план выдвигается переход от жестких мер воздействия на осужденных к цивилизованным формам обращения с ними, гуманизация и педагогизация условий отбывания наказания. Вместе с тем государство испытывает